

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1905–1917 ГГ.

Материальное положение политических ссыльных зависело от их социального положения, правового статуса, местных социально-экономических условий, степени сохранения связей с «волей» и т. д. Правовой статус ссыльнопоселенцев регулировался «Уставом о ссыльных», административно-ссыльных – «Положением о полицейском надзоре» (1882 г.). Существенным пунктом царского законодательства о ссылке было полное или частичное лишение сосланных прав состояния, по имуществу, государственной и общественной службы, права передвижения по Сибири. Цель этих ограничений – лишить ссыльных возможности вести революционную работу, предотвратить их побеги с мест поселения. Вся жизнь ссыльных ставилась под контроль местных органов полиции [4, с. 28].

Ссыльные революционеры лишались тех элементарных прав, которые имели подданные Российской империи. Им воспрещались педагогическая работа, чтение публичных лекций, участие в театральные представлениях и в заседаниях научных обществ, продажа книг, содержание типографий и библиотек. Медицинская практика допускалась лишь с санкции министра внутренних дел [7, с. 51].

Ограничивая права на передвижение, царское правительство стремилось искусственно сконцентрировать политических ссыльных в отдельных районах, изолировать от окружающей среды. Так, например, 11 февраля 1908 г. березовский уездный исправник представил рапорт о переполнении его уезда политссыльными. В нем сообщалось, что в уезд уже водворено 146 чел., ожидается еще 56, а селить их негде – нет квартир [1, оп. 21, д. 67, л. 57]. В условиях такой концентрации и отсутствия фабрично-заводской промышленности большинство ссыльных не имели заработков и были обречены на полуголодное существование.

Согласно сметам Министерства внутренних дел административно-ссылным полагалось денежное пособие от казны (от 2 руб. 40 коп. до 10 руб. 16 коп. в различных районах России) [7, с. 52]. В эту сумму входили суточные и квартирные деньги, а также средства на приобретение обуви, одежды, оплату лечения, погребения умерших и перевозку окончивших сроки надзора. Распределяя пособия, правительство исходило из классового принципа:

лицам привилегированных сословий выплачивалась большая сумма, чем ссыльным рабочим и крестьянам [7, с. 53–54]. Но получение и такого ничтожного пособия было не всегда возможно. По распоряжениям местных властей ссыльные лишались пособия при попытке к бегству, при нахождении заработка, даже нерегулярного, при «дерзком» поведении [2, с. 20].

С апреля 1907 г. Постановлением Совета Министров в Тобольской губернии ссыльным из привилегированных сословий стали платить 9 руб. 75 коп. Ссыльным непривилегированных сословий пособие выплачивалось в размере арестантской дачи, определенной для данной местности (например, для Сургутского уезда арестантская дача составляла 7 коп. в сутки [1, оп. 23, д. 140, л. 7]), плюс 5 коп. в сутки на человека. Такое же пособие выплачивалось женам ссыльных, а детям в возрасте до 14 лет наполовину меньше (детям старше 14 лет пособие не выплачивалось). «Квартирные» обеим категориям ссыльных и их женам выплачивались в размере 1 руб. 50 коп. (детям до 14 лет – 75 коп.), причем в сумме это пособие на всю семью не должно было превышать 7 руб. в месяц (как бы много детей не было) [1, оп. 21, д. 67, л. 1].

Денежное пособие от казны не могло удовлетворить даже минимальных потребностей. 31 декабря 1908 г. березовскому уездному исправнику было представлено заявление ссыльных из села Троицкое такого содержания: «Как Вам известно, господин исправник, мы, ссыльные, получаем пособие в размере 4 руб. 80 коп. и Вам также известно, что села Березовского уезда переполнены ссыльными, почему квартиры страшно вздорожали. Продукты, мука, рыба, мясо и т. п., по неизвестным нам причинам также сильно вздорожали. Овощей здесь нет; на одном хлебе не прожить: нужно или мясо, или рыба, или чай, с которым хлеба уходит более двух пудов в месяц. Зарботка, благодаря тому же переполнению сел ссыльными, нет, а существовать на выдаваемое пособие абсолютно нет возможности. <...> Ввиду вышеизложенного мы просим Вас, господин исправник, сделать представление господину Тобольскому губернатору об увеличении нам ежемесячного пособия, своеобразно ниже приведенной таблицы.

1. Мука ржаная 1,5 пуда по 1 руб. 30 коп. за пуд 1 руб. 95 коп.
2. Квартира 2 руб.
3. Мясо 15 фунтов по 6 коп. 90 коп.
4. Сахар 3 фунта по 22 коп. фунт 66 коп.
5. Чай 1/8 фунта 20 коп.
6. Крупа для супа 5 фунтов по 5 коп. 25 коп.

7. Крупа для каши 15 фунтов по 5 коп.	75 коп.
8. Соли 5 фунтов по 1,5 коп.	7,5 коп.
9. Картофеля ведро	22,5 коп.
10. Сала для каши 2 фунта по 12,5 коп.	25 коп.
11. Керосин 7 фунтов по 8 коп. фунт	56 коп.
12. Стирка белья	40 коп.
13. Мыла для стирки белья 1 фунт	14,5 коп.
14. Табаку 1 фунт	32 коп.
15. Спички 1 пачка	12 коп.
16. Бумаги адресной	6 коп.
17. Почтовая бумага, конверты и марки	18 коп.

Итого 8 руб. 4,5 коп. Это минимум месячного пособия, при котором можно только концы с концами сводить» [1, оп. 23, д. 140, л. 5–6].

В феврале 1910 г. Министр внутренних дел подписал рапорт о дополнительном ассигновании березовским политическим ссыльным (326 чел.) «кормового» пособия в размере 499 руб. 75 коп., а также «квартирного» пособия за февраль–май 1910 г. в размере 1999 руб. Позднее им дополнительно была выделена сумма на пособия в размере 188 руб. [1, оп. 23, д. 140, л. 45–48].

В более тяжелом положении находились ссыльнопоселенцы, которым казенное пособие вообще не выплачивалось. Следовательно, большая часть ссыльных вынуждена была тратить время на поиски работы. Политические ссыльные нанимались в качестве батраков к местным богатым, трудились приказчиками в торговых фирмах. Однако эта работа была временной и зачастую низкооплачиваемой. Многие перебивались случайными заработками, работая в качестве маляров, сапожников, парикмахеров, портных [7, с. 52].

По данным Н. Н. Щербакова, в 1906–1907 гг. в Тобольской губернии находилось 284 ссыльных, из них имели работу только 45 чел. (15,8 %). Остальные 239 чел. (84,2 %) существовали на пособие и влачили полуголодное существование.

Характер труда политических ссыльных определялся строгим полицейским режимом. Ограничение прав на передвижение связывало поднадзорных революционеров в основном с сельскохозяйственным производством и мелкой кустарной промышленностью, обслуживающей нужды крестьянского населения. В 1907–1912 гг. большая часть из них перебивалась случайными заработками в глухих сибирских деревушках. Широкое распространение получил артельный способ найма. Были случаи создания производственных кооперативов – кузнечных, столярных, слесарных,

бондарных мастерских и небольших кирпичных заводов в системе организаций взаимопомощи политических ссыльных, но они, как правило, существовали недолго, лишённые экономической поддержки [6, с. 120–121].

В годы войны жизнь повсеместно вздоржала. В 1916 г. один из ссыльных писал: «...Зарботков совершенно нет. Даже тот, кто раньше имел какую-либо тяжёлую физическую работу, лишился ее, ибо прибывшая масса пленных исполняет ее и лучше и дешевле». В результате жизнь впроголодь. Нередки были случаи отказа в квартире. Ссыльные жили по несколько человек в одной комнате. Часто жильем служили грязные юрты, заброшенные избышки, бани, сараи. Многие ссыльные не имели необходимой одежды, месяцами ходили в арестантских халатах и котках. Суровую сибирскую зиму сосланные в летний период встречали, не имея теплых вещей. Постоянным спутником жизни ссыльных были болезни – естественное следствие изнурительных этапов, голода и холода. Такой была мрачная картина материального положения ссыльного [4, с. 29–30].

Особенно трудно приходилось интеллигентам, составлявшим значительную прослойку среди политических ссыльных. Но были и такие, которым удавалось найти работу не только с достойным заработком, но и такую, которая позволяла бы устанавливать связи с местным населением. В наиболее выгодном положении были ссыльные, имевшие какое-либо отношение к медицине. Ввиду недостатка медицинских кадров в губернии, власти зачастую закрывали глаза на то, что ссыльные медики работают по специальности. Таков пример работы Иосифа Ильича Гоникберга фельдшером в Тобольской больнице для бедных. Владимир Карлович Рено заведовал психиатрическим отделением Тобольской губернской больницы, а Адам Владиславович Узембло занимался частной медицинской практикой в качестве врача-окулиста в с. Исетском [5, с. 220–222].

В связи с призывом в действующую армию значительной части врачебно-фельдшерского персонала Общее собрание Правительствующего Сената в октябре 1914 г. признало, что политические ссыльнопоселенцы, имеющие медицинское образование, могут заниматься частной практикой. Был также облегчен допуск ссыльных в официальные лечебные учреждения. Но при любых обстоятельствах власти устанавливали за врачами-революционерами как «неблагонадежными элементами» негласный надзор полиции, всевозможными средствами стесняя их инициативу и ограничивая творческую деятельность [5, с. 39].

Закон прямо запрещал педагогическую работу ссыльным. Однако реальная действительность оказалась сильнее административно-бюрократических санкций. При острой нехватке преподавательских кадров, особенно в сельской местности, низком образовательном уровне трудящихся и тяге молодежи к грамоте спрос на учителей в Сибири был очень высок. У тысяч местных жителей – детей и взрослых, русских и «инородцев», получивших первоначальное образование у ссыльных большевиков, – особой признательностью пользовались работавшие в Тобольской губернии Иван Иванович Самойлов (Кичуйский), Арон Александрович Сольц, Эсфирь Александровна Сольц и Петр Егорович Калугин. Инициатива создания школ исходила зачастую от местных жителей, которые по решению сельского схода либо группы крестьян арендовали меблированное помещение и, пригласив ссыльного учителя, назначали ему жалованье по числу обучавшихся и подворное поочередное питание [5, с. 135, 137].

Подводя итог, можно с уверенностью говорить о том, что материальное положение политических ссыльных, высланных в административном порядке и, тем более, ссыльнопоселенцев было весьма тяжелым. Недостаточная обеспеченность пособиями от государства, отсутствие работы и элементарного человеческого отношения к ссыльным зачастую делало их жизнь совершенно невыносимой. Холод, голод, болезни, изнурительные этапы – все это было причиной высокой степени смертности среди ссыльных. Но те, кому посчастливилось пройти этот путь и выжить, продолжали заниматься революционной деятельностью, рассматривая ссылку как необходимый опыт и неотъемлемое условие своей борьбы.

Литература

1. ГУ ТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 152.
2. Евсеева А. Н. К вопросу о положении и составе Тобольской политической ссылки в годы Первой мировой войны // Сборник работ аспирантов кафедры истории КПСС. –Томск, 1972. –Вып. 9. –С. 17-21.
3. Мещерский А. П. Особенности, партийный состав политической ссылки в Сибирь в конце XIX – начале XX века // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). –Иркутск, 1973. –Вып. 1. –С. 125-143.
4. Хазиахметов Э. Ш. Сибирская политическая ссылка 1905-1917 гг. (облик, организации и революционные связи) / Э. Ш. Хазиахметов. –Томск : Изд-во ТГУ, 1978. –193 с.
5. Щербаков Н. Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь в Сибири (1907-1917) / Н. Н. Щербаков. –Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1984. –244 с.
6. Щербаков Н. Н. Политические ссыльные как источник пополнения пролетариата в Сибири (1907-1917) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). –Иркутск, 1982. –Вып. 7. –С. 112-134.
7. Щербаков Н. Н. Режим ссылки и положение политических ссыльных Сибири в начале XX века // Сиб. ист. сб. –Иркутск, 1974. –Вып. 2. –С. 39-64.